

**ОТ ЧЕЛОБИТНОЙ ДО ЗАЯВЛЕНИЯ,
ИЛИ
КАК ФОРМИРОВАЛСЯ ЯЗЫК ОБЩЕНИЯ С ВЛАСТЬЮ
(НА МАТЕРИАЛЕ ПРОСИТЕЛЬНЫХ ДОКУМЕНТОВ XVII–
XX ВВ.)**

**Д. В. Руднев, Т. С. Садова
(Санкт-Петербург, Россия)**

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ [проект 20-012-00338]

Аннотация. В статье рассмотрена история языковых изменений в просительных документах как явление социолингвистического порядка. Произошедшие изменения представлены как следствие нескольких взаимосвязанных процессов: олитературивания деловой речи, активного вмешательства властей в речевое оформление просительных документов и изменения ролевого поведения просителей и властей.

Ключевые слова: государственная коммуникация, коммуникативная роль, история делового стиля, история просительных жанров

FROM PETITION (*CHELOBITNAYA*) TO APPLICATION (*ZAYAVLENIE*),
OR
HOW THE LANGUAGE OF COMMUNICATION WITH AUTHORITY
FORMED (BASED ON MATERIALS OF PETITIONARY DOCUMENTS OF THE
XVII–XX CENTURIES)

**D. V. Rudnev, T. S. Sadova
(Saint-Petersburg, Russia)**

Abstract. The article considers the history of linguistic changes in petitionary documents as a sociolinguistic phenomenon. The changes that have occurred are presented as a result of several interrelated processes: the impact of literary language on the official communication language, the active intervention of the authorities in the petitionary language and the change in the role behavior of petitioners and authorities.

Key words: state communication, communicative role, official style, history of the official style, history of petitionary genres

Чрезвычайное разнообразие деловых документов в истории русского делового языка стало одной из причин их недостаточной изученности с точки зрения исторической стилистики, исследующей процесс становления стилистических систем и отбора жанрово-стилистических ресурсов литературного языка для решения вполне отчетливых коммуникативных задач. При кажущемся обилии научной литературы, посвященной различным языковым явлениям в многочисленных деловых текстах разных периодов, история формирования и развития русского делового языка остается плохо исследованной. Преодоление этого положения дел стало возможным благодаря развитию лингвожанроведения и применению жанрового подхода к языку деловых документов.

Деловая коммуникация имеет важное свойство, в определенной степени выделяющее ее из других типов коммуникации, – это жесткая прагматичность каждой текстовой формы, принятой в деловом общении. Главным результатом официально-делового общения является документ – «текст, управляющий действиями людей и обладающий юридической значимостью» [Колтунова 2002: 25].

Документы являются письменным воплощением деловых жанров, которые, «будучи высказываниями, не существуют изолированно, они представляют собой звенья в официально-деловом письменном (текстовом) общении» [Лобашевская 2007: 30].

Выбирая тот или иной жанр, адресант выбирает для себя модель речевого поведения и «подает себя как носителя соответствующего статуса и исполнителя соответствующей речевой роли» [Долинин 1999: 9]. Сказанное касается и ситуаций делового общения, в частности ситуации официального обращения к властям с различными просьбами.

Объектом наблюдений в нашей статье станет краткая история формирования особого языка делового общения – общения с властью, по социальной оси – иерархически выстроенного, по признакам коммуникативных возможностей – асимметричного, который наиболее ярко проявляет себя в письменных текстах, по функциональному признаку объединенных в группу т.н. просительных жанров.

В правовом отношении язык просительных жанров интересен тем, что отчетливо фиксирует границы юридизации естественного языка, поскольку вмешательство государства (как следствие, закона) в такие тексты более чем очевидно, а потому составить грамотное прошение, обращенное властному лицу, во все времена считалось делом искусным, сопряженным с большим умением. «Умение» это происходило от точного понимания и владения правилами воздействия на властное лицо (цель прошения), при котором язык документа – как ни парадоксально это звучит – отражал, прежде всего, адресата, нежели автора: законы устройства и текстовые формулы прошения регламентировались государством, его (в широком смысле) идеологией, а содержательная интенция – образом властного лица.

Итак, жанровый подход к изучению языка документной коммуникации позволит продемонстрировать жесткую обусловленность текста документа его прагматикой: прагматические условия включают не только информацию об адресате и адресанте, об их целях и интенциях, но и способ речевого взаимодействия, во все времена навязываемый государством.

Просительные документы имеют длительную историю, их названия во многом говорят о стиле и языковом наполнении этих текстов, в которых всегда учитывалось и «ожидание» властного лица, во многом зависящее от степени его «общественной близости» к автору прошения. Обращает на себя внимание то, как постепенно увеличивается дистанция между адресантом и адресатом просительного документа, отраженная в исторических названиях этих документов: *жалоба*, *жалобница*, *слезница* (слезная жалоба) (XIII–XVI вв.), *челобитная* (посл. четв. XVI – 1780-е гг.), *прошение* (с кон. XVII в. до 1780-х гг.).

одновременно с *челобитной*, в 1786–1917 гг. вместо *челобитной*), *заявление* (а также *обращение, письмо-просьба, ходатайство, служебная записка*).

Смена названий просительных документов – факт в социально-культурном плане довольно примечательный: зачастую такая смена сопровождала очередной период значительных государственных преобразований в стране, неизбежно отражающихся на «вертикальных» отношениях между человеком и властью. Изменение названия документа фиксировало сдвиги в его модальности, под которой понимают «определенный способ активирования действительности» [Качалкин 1986: 99] и сопровождалось изменениями как в выборе стилистических средств, так и в формуляре.

Первоначальное название этого жанра – *жалоба, жалобница*: слово *жалоба* в значении ‘официальная жалоба’ известно с конца XIII в. (*то буди тебе ведомо. про тую жалобу. что витьбл(а)не жалобилис на рижаны. Гр. 1281–1297*) [СДРЯ, 3: 230]; слово *жалобница* ‘документ с изложением жалобы, жалоба’ возникло позже (XV–XVI вв.) [СлРЯ XI–XVII, 5: 71].

Названия *жалоба, жалобница* указывают на исходную связь официальной просительной речи, во-первых, с устной, разговорной стихией, а во-вторых, с почти «семейным отношением» к властному лицу, от которого ждут не столько действий, сколько ответной жалобной эмоции, сходной с родительским участием. «В княжеской канцелярии, – пишет А.Н. Качалкин, – письменное обращение нижестоящего лица к вышестоящему с просьбой решить поставленный вопрос называлось *жалобой* или *жалобницей*, что подчеркивало как бы семейный характер взаимоотношений между князем и его подчиненными, метафорически изображало отношения в княжестве в виде феодального дома» [Качалкин 1989: 32].

Не случайно *жалоба* в народной речи это и ‘изъявление обиды <...> в широком диапазоне оттенков чувства и переживаний – от сетования, печали и просьбы о помощи до ропота, упреков и хулы’, и в последовательной метонимической номинации – ‘дорогой, милый человек, кто вызывает жалость’ [Колесов 2014, 1: 252]. Такие отношения характеризуют онтологически родовое

общество, при котором государство – семья, а властное лицо – родитель, старший рода, к которому обращаться и страшно, и вольно одновременно, потому что «старший» имеет право на наказание и милость, а «младший» безусловно признает это право. Неизменным остается то, что духовно это родственники, близкие люди.

Название *челобитная* утвердилось в приказный период России. «При Иване Грозном обращение к вышестоящему лицу, а тем более к царю исключало подобную интимизацию отношений, и не случайно тот же самый жанр просьбы реализовывался в документе с названием *челобитная*» [Качалкин 1989: 32]. Происхождение названия возводят к сочетанию *бить челом* ‘низко кланяться’, известному в русском языке с конца XIII – начала XIV в. По одной из версий, это сочетание является калькой с китайского языка, проникшей в русский язык через посредство тюркских, где дословно значит ‘головой бия, делать заявление’ [Чащина 2011: 71]. Если это так, то любопытным оказывается предпочтение лексемы *чело* относительно близких ей синонимов древнерусского языка *лоб* и *голова* при калькировании исходного заимствованного выражения. Слово *челобитье* в XIV–XVI вв. широко использовалось в документах, исходивших из церковных канцелярий; в эпоху Ивана Грозного оно распространилось в документах светской власти, потеснив к концу его правления слово *жалобница* (в Судебнике 1550 г. слово *жалобница* преобладает и лишь изредка используется слово *челобитье*).

Слово *челобитная* как лексикализованное словосочетание в форме субстантивированного прилагательного (< *челобитная грамота*) ярко демонстрирует т.н. экономию языковых средств, столь характерную для устной речи. К XVII в., по свидетельству исследователей, *челобитная* включала множество функциональных разновидностей, обозначенных эпитетами: *исковая, явочная, изветная, повинная, мировая, отсрочная, ставочная, собственно челобитная* и др. [Волков 1974: 11–15].

В отношении языка *челобитные*, как и *жалобницы*, продолжали сохранять тесную связь с живой речью:

Црю гсдрю и великому кнзю Алеѣтью Михаиловичу всеа Русии бьет челом холоп твои сотник московскихъ стрелцов Ганка Бибигов служу я холоп твои тебѣ гсдрю всякие твои гсдрвы службы и одолжал великим долгом и обеднял платишком ободрался и пит и есть нечево млсрдыи гсдрь црь и велики кнзь Алеѣтью Михаиловичь всеа Русии пожалуи мнѣ бѣдному и должному холопу своему на платишко и что пит и есть какъ тебѣ млсрдному гсдрю о мнѣ бѣ извѣстит црь гсдрь смилуися пожалуи [Московская деловая... 1968: 61].

Связь с разговорной речью прослеживается и в лексическом, и синтаксическом оформлении *челобитных*. Однако в отличие от бытового жанра *жалобы* деловой жанр *челобитной* обладал достаточно жесткой текстовой структурой, имевшей три основные части: первая – начальная, в которой указывался царский титул, обязательная формула *бьет челом*, автор челобитья, его социальное положение; вторая, в которой излагалось содержание просьбы; третья – заключительная часть – включала обращение к адресату и глагол *смилуи* или *пожаловать* (или оба сразу) в форме повелительного наклонения (подробно см. [Волков 1974: 21–110]). Форма императива в качестве способа побуждения адресата к желаемому для адресанта действию, невозможная в современных документах, является отражением генетической связи языка деловых документов с живой разговорной речью с одной стороны и делового жанра *челобитной* с жанром *жалобы* – с другой.

Связь с бытовым жанром *жалобы* проявлялась в обилии эмоционально-оценочной лексики, в стремлении разжалобить своего адресата. При этом, в отличие от *жалобы*, в *челобитной* всегда подчеркивалось могущество властного лица, адресата прошения, его милосердие и справедливость (*милостивый, милосердный*). Важно было подчеркнуть и беззащитность, униженное положение и слабость автора прошения: в этом угадывалось желание просителя угодить властному лицу: соблюдение незримого ритуала, похожее на легимизированную «ролевою игру», имело явный прагматический смысл.

Так, смирение духа, подчиненность и признание властной силы адресата в полной мере отражалось и в содержании текста *челобитной*. Осознаваемая

просителем его «ничтожная» социальная роль подчеркивалась многочисленными диминутивными формами самоименования челобитчика (полуимена типа *Гришка, Васька*) и всего, что было с ним связано (*домишки, платьишко, службишка* и пр.), оценочными определениями *бедный, виноватый, горький, (много)грешный, нищий, нужный* ('нуждающийся'), *последний, сиротский, скудный, убогий* и пр., который прилагал к себе проситель.

Такое лексическое наполнение *челобитной*, чуждое современному *заявлению*, отражало зрелое средневековое представление об устройстве государства, которое мыслилось в виде феодального дома с государем, посаженным волей свыше. Это уже не «семейные отношения», но еще «домашние». Этим объяснялся сохранившийся личный характер обращения к адресату в челобитной, использование разнообразных средств воздействия и, среди прочего, формы императива.

В результате петровских реформ *челобитная* как жанр сохранилась (вместе с тем с петровского времени стало параллельно употребляться слово *прошение*), однако произошла ее существенная трансформация. Произошло сужение числа документов, называвшихся словом *челобитная*; как следствие, уже к эпохе Екатерины II челобитными назывались только некоторые виды документов, связанные с судом, — *явочные, апелляционные, исковые, мировые челобитные*. Остальные виды челобитных XVII в. стали называться иначе — *доношение, промемория, прошение* и др.

Появление новых названий документов свидетельствовало о постепенной специализации документов. *Челобитная* как название жанра исчезает в 1786 г., когда состоялся сенатский указ, согласно которому из формуляра просительных документов исключались слова *бию челом, челобитье, челобитная*, которые заменялись на слова *прошу, прошение, приношу жалобу* [Русанова 2016: 714]. (В Словаре Академии Российской *прошение* определяется как 'письменное изъявление какого-либо своего желания, подаваемое в судебное место или начальнику' и дано с пометой «в приказн. нареч.» [САР, 5: 689].) В

переименовании челобитных прослеживается стремление государства разорвать связь с предшествующей приказной традицией.

Государство властно вмешивается в принципы составления просительного документа: стремясь сделать информацию документа более доступной, оно предписывает изложение по пунктам и по законодательно установленной форме. Таким образом, власти меняют принципы ролевого поведения в просительных документах, навязывая просителям новые номинации и принципы построения документа (европейские по своему характеру):

Всепресветлѣишая державнѣишая великая гсдрня императрица Елисаветъ Петровна самодержица всеросійская гсдрня всемлстивѣишая.

Бьет челом гсдрственной Вотчинной калѣгии канцеляриста Федора Иванова сна Мирицкого жена ево Марѣя Климонтова доч а о чемъ мое прошѣние тому слѣдуют пункты

1

Имѣется у нас снѣ нашъ Петръ Федоров снѣ Мирицкои которой из жительства нашего бѣгает и житѣльства с нами не имѣет а гдѣ живѣтъ о том мы неувѣстны а от роду ему сну нашему четырнатцат лѣтъ

2

И ежели оной снѣ наш гдѣ явится в какомъ подговорѣ воровства или в ненадобных мѣстах чтоб того нам не причтѣно было в вину и к штрафу

И дабы высочайшимъ вашего императорскаго величества указом повелѣно было сие нашѣ прошѣние в Московскои палицымѣистерскои канцѣляриі явить и записат в записную явочныхъ челобитѣн впрѣтъ для вѣдома въ книгу

Всемлстивѣишая гсдрня прошу вашего императорскаго величества о семъ нашемъ прошѣнии решѣние учинить 1747 г году июля 2 дня прошѣние писал гсдрствѣнной Вотчинной калѣгии канцеляристъ Федор Мирицкои к паданию надлѣжит в Московскои палицымѣистерскои канцѣляриі

К сему прошенью гсдрственной Вотчинной канцеляристь Федор Мирицкой вмѣсто жены своеи Марѡы Климантовы дочери по еѣ прошенью руку приложил [Памятники московской... 1981: 181]

За всеми этими изменениями отчетливо заметно нежелание властей продолжать «семейственные отношения» со своими просителями (чадами): гражданам предлагается новый образ государства, государства – механизма (см. [Садова 2018]). Властное лицо не желает видеть себя в патронимической роли, ему становится необходимо ограничить свои функции, поскольку в механизме каждая деталь имеет свое строгое назначение. Документная коммуникация, в частности просительные документы, начинает отражать эту метафору.

В грамматическом отношении весьма примечательной выглядит утрата в просительном документе форм повелительного наклонения глагола: ее заменяет перформатив *прошу* (перформатив эксплицитно выражает интенцию говорящего, но лишен воздействующего потенциала императива). Тем не менее язык челобитных XVII и XVIII вв. продолжал сохранять и много общего – в синтаксической организации речи, в обильном использовании бытовой и разговорной лексики, в использовании некоторых формул (*бьет челом*).

Кардинальные изменения произошли в языке прошений в начале XIX в. в связи с общим олитературиванием деловой речи в ходе министерской реформы. Прощения XIX – начала XX в. обязательно включали в текст большое количество комплиментарных формул (*осмеливаюсь, покорнейше, имею честь, припадаю к стопам ног, соизволите повелеть, всеподданнейший* и т.д.). Характерно, что даже в прошениях крестьян эти речевые факты чрезвычайно частотны – заметна «направляющая рука» государственного службиста: он призван был максимально учесть ожидания власти в лице конкретного человека (см. [Юрина 2011]).

Формуляр прошения отличается большей четкостью: в качестве отдельно оформленных реквизитов в прошении представлены адресат, адресант, название документа, подпись, дата и обязательный для XIX – начала XX в. реквизит «место жительства». Можно отметить смещение первых двух

реквизитов вправо, которое продолжилось и в последующем. Язык прошения XIX в. полностью лишен признаков разговорной речи, отчетливо наблюдается проникновение в него элементов официальной речи. Изменения в языковом оформлении прошения отражали дальнейшее речевое расхождение гражданина и власти: язык просителя разрывал связь со своей исходной живой, разговорной основой.

В советское время просительные документы в очередной раз переименовываются, вновь отражая изменение отношений между гражданами и властями. На смену *прошению* приходит *заявление*: «советский гражданин не просил, а заявлял» [Грановская 2005: 290]. Персональные заявления могли трансформироваться в коллективные обращения, в которых также чувствовалась незримая рука государства: регламентация формул, языка, границ возможных мало-мальски экспрессивных единиц – всё определялось и соотносилось с образом (метафорой) государства.

Просительные документы подверглись дальнейшей регламентации и формализации, язык заявления становится все более «технократичнее», он совершенно лишен комплиментарности, характерной для прошения XIX в. Эти изменения отражали последовательное обезличивание документной коммуникации, которая все сильнее начинала воплощать лежащую в ее основе механистическую метафору государства.

Просить власть (*требовать, заявлять, обращаться* и т.д.) имеет смысл только в том случае, если автор говорит с властью на языке, ожидаемом и даже навязываемом ею самой, – об этом со всей ясностью свидетельствует эволюция языка просительных документов, максимально отражающих метафору (принципы устройства и идеологию) государства.

Библиографический список

1. Волков, С. С. Лексика русских челобитных XVII века / С. С. Волков. – Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1974. – 164 с.
2. Грановская, Л. М. Русский литературный язык в конце XIX и XX вв: Очерки / Л. М. Грановская. – М.: Элпис, 2005. – 448 с.

3. Долинин, К. А. Речевые жанры как средство организации социального взаимодействия / К. А. Долинин // Жанры речи: сб. ст. – Саратов, 1999. – Вып. 2. – С. 7–13.
4. Качалкин, А. Н. Жанры русского документа допетровской эпохи в историко-лингвистическом и источниковедческом освещении. Автореф. дис.... д-ра филол. наук / А. Н. Качалкин. – М., 1989.
5. Качалкин, А. Н. История документа и языка / А. Н. Качалкин // Методологические проблемы социальной действительности. – М., 1986. – С. 93–108.
6. Колесов, В. В. Словарь русской ментальности: в 2 т. / В. В. Колесов, Д. В. Колесова, А. А. Харитонов. – СПб.: Златоуст, 2014.
7. Колтунова, М. В. Язык и деловое общение: Нормы, риторика, этикет: Учебное пособие для вузов. – М.: Экономическая литература, 2002. – 270 с.
8. Лобашевская, И. С. Жанры официально-деловой письменной речи: Учебное пособие для студентов специальности 031001 «Филология» / И. С. Лобашевская. – Петропавловск-Камчатский: КамчатГТУ, 2007. – 91 с.
9. Московская деловая и бытовая письменность XVII века / сост. С. И. Котков, А. С. Орешников, И. С. Филиппова. – М.: Наука, 1968. – 338 с.
10. Памятники московской деловой письменности XVIII века. М.: Наука, 1981. 318 с.
11. Русанова, С. В. Термины «челобитная» и «прошение» в законодательных актах XVIII в. / С. В. Русанова // Труды Института лингвистических исследований РАН / отв. ред. Н. Н. Казанский. – Т. 12, № 3. – СПб.: Наука, 2016. – С. 705–716.
12. Садова, Т. С. Метафора государства и государственный язык / Т. С. Садова, Д. В. Руднев // Языковая норма. Виды и проблемы: материалы V Международного педагогического форума / ред. Л. А. Вербицкая, С. И. Богданов, С. В. Друговейко-Должанская и др. – СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2018. – С. 174–182.
13. Словарь Академии Российской: в 6 т. – СПб.: При Императорской Академии наук, 1789–1794. [САР]
14. Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.). Т. 1–12. М.: Русский язык, 1988–2019 (издание продолжается). [СДРЯ]
15. Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 1–30. М.: Наука, 1975–2015 (издание продолжается). [СлРЯ XI–XVII]
16. Чащина, Е. А. Из истории одного юридического документа / Е. А. Чащина // Русский язык в школе. – 2011. – № 1. – С. 70–74.

17.Юрина, Ю. Г. Порядок работы с крестьянской просительной документацией в местные учреждения в конце XIX века (на примере Пензенской губернии) / Ю. Г. Юрина // Делопроизводство. – 2011. – № 4. – С. 104–110.